

Сильный снегопад, что застлал всё небо, приносил свои плоды, и многие прятались во дворце, стараясь лишний раз не выходить на улицу. Два брата относились с безразличием к тому, что происходило за окном, им не было дела даже до слуг, которые, к слову, не осмелились следить за господами.

С трепетом смотря на жестокого младшего брата, Юн Ци заметил, что на самом деле юноша всё это время вёл себя немного сдержаннее.

В будущем Юн Шань мог стать императором — сыном Неба, и если, получив в руки огромную власть, он даст волю своей безграничной смелости, то неизвестно, чем всё это закончится.

Подумав о последствиях, Юн Ци вновь громко и прерывисто заплакал, умоляя о пощаде. Туман заволок разум, словно пелена белого, пушистого снега, а мысли проносились слишком быстро.

Боль и наслаждение смешались воедино. Юн Ци не понимал, находится ли он в сознании или всё же лишился чувств. Если последнее, то от чего именно — от усталости или от сильного возбуждения? В конце концов, сколько раз он это сделал.

— М...

Неизвестно через сколько времени, почувствовав теплоту, юноша смог распахнуть затуманенные глаза.

И первое, что он увидел, были милые глаза Юн Шаня, которые с нежностью и заботой смотрели на него.

Лёгкий звук и страстные клубы тумана всё больше говорили о том, что грёзы на самом деле оказались не сном.

— Старший брат, не бойся, всё, что из тебя выйдет, сразу же смоеется водой, — мягко проговорил Юн Шань, прижавшись к ушку Юн Ци.

Распухшая дырочка была очень чувствительной и, когда в неё мягко вошёл палец и начал двигаться, Юн Ци тихо всхлипнул, подавшись всем телом навстречу лёгкой ласке.

Юн Шань с чрезмерной любовью улыбнулся, шепча на ушко:

— Так не хочется расставаться с наслаждением. Позже, если старший брат захочет, то младший брат может снова хорошенько позаботиться о тебе.

Юн Ци всё ещё находился в полусне. Услышав эти фривольные слова, юноша, как это неудивительно, не почувствовал никакого смущения, вероятно, из-за того, что до конца не мог

прийти в себя, и его разум до сих пор был затуманен. Юн Ци лишь слегка покраснел, ощущая, как обманчиво затрепетало сердце в груди. Юноше казалось, будто он выпил полбутылки сладкого императорского вина, которое приятно обжигало его тело, опьяняло и медленно растекалось по его венам.

— Старший брат, будь умницей, спи сладко. Закрой глаза и засыпай.

Убаюкивая, нежно шептал Юн Шань, словно маленькому ребёнку.

Однако Юн Ци незаметно для себя выразил некое недовольство.

Но горячая вода и ласкающие его лицо пальцы, которые были такими знакомыми и приятными, дарили покой смертельно уставшему Юн Ци.

Что-то невнятно простонав, юноша закрыл глаза и, словно потерявший бдительность крольчонок, который вернулся в своё гнёздышко, заснул крепким сном.

Юн Шань лично помог ему вымыться, вытер насухо тело и, спешно подняв юношу, положил обратно на кровать.

Боясь, что старший брат может простудиться, Юн Шань взял толстое ватное одеяло и подоткнул его по бокам. Внезапно сам юноша задрожал от холода, а на его губах появилась улыбка, которую он не в силах был сдержать.

Как оказалось, на нём самом было накинуто лишь лёгкое платье.

В комнате хоть и было тепло, но в снегопад оставаться в одном лишь тонком платье нельзя.

Наследный принц облачился в верхнюю одежду. Стоя возле кровати, юноша посмотрел на спящего брата. Юн Шань тоже притомился, и его клонило ко сну; огонь, который до этого охватывал сердце и томил грудь, уже почти потух, однако некие тёплые чувства, словно мелкая рябь на воде, с каждой волной всё ещё тревожили его сердце.

Но оставались ещё дела, с которыми хотелось поскорее разобраться.

Прогнав мысли о сне, Юн Шань накинул на плечи тёплую шубу и, подняв дверную занавеску, вышел из спальни.

Снаружи небо было окутано шёлком ночи, в императорском дворе уже зажгли фонари, которые непрерывно покачивались от порывов холодного ветра, что царил в темноте.

От морозного ветра сон Юн Шаня как рукой сняло. После чего наследный принц обратился к

спешно подошедшему евнуху, который вызвался позаботиться о нём:

— Чан Дэфу?

На что слуга с осторожностью проговорил:

— Спешу ответить Вашему Высочеству, господин управляющий Чан, подумав, что Ваше Высочество уже мирно спит, ненадолго вернулся в свою комнату и прилёг вздремнуть.

Так или иначе людям тоже нужно было отдыхать.

Чан Дэфу всегда относился к делам с особой осторожностью и осмотрительностью, однако никогда не было такого, чтобы он ложился спать.

Юн Шань слегка кивнул, приказывая:

— Скажи ему, чтобы зашёл ко мне.

Наследный принц развернулся, вошёл в кабинет и приказал зажечь огни. Придворные слуги подали Его Высочеству уже давно приготовленный горячий чай с пирожными.

Выпив чай и съев несколько пирожных, Юн Шань наполнил желудок, затем сразу же взялся за непросмотренные с утра докладные записки, и при дрожащем пламени лампы продолжил их читать.

Юноша только дочитал вторую строку, когда в комнату спешно вошёл Чан Дэфу.

— Ваше Высочество, Ваш слуга прибыл.

Было видно, что мужчина только что поднялся с кровати, его одежда была в полном беспорядке, а воротник был наполовину заправлен внутрь. Слуга осторожно докладывал о своём прибытии, суетливо разглаживая складки на надетой впопыхах одежде.

Юн Шань будто и не слышал его, продолжая сосредоточенно вчитываться в докладную записку, что была в его руках.

Странная тишина стала настораживать Чан Дэфу. Слуга не осмелился вновь прикоснуться к своей одежде. Склонив голову, евнух тихо поднял взгляд и стал всматриваться в молодое лицо наследного принца, на котором от огня лампы медленно появлялось красное пятнышко, однако сам юноша по-прежнему с мрачной решительностью вникал в написанное.

Несмотря на то, что Юн Шань ничего не говорил и на его лице не было злости, это ещё больше приводило слугу в трепет.

У Чан Дэфу сердце билось как сумасшедшее. Мужчина знал, что ничего не сделал, но всё равно ощущал, как чувство вины без каких-либо причин охватило его душу. Ноги подкосились, и евнух тихо опустился на колени, ожидая дальнейших распоряжений Юн Шаня.

Наследный принц словно не замечал перед собой слугу. Юноша тихо сидел на месте больше получаса, читая докладные записки.

Посреди зимы стоя на коленях на отшлифованном светлом кирпичном полу, Чан Дэфу окоченел от холода. Но как раз в этот момент он услышал вопрос поглощённого мыслями Юн Шаня:

— Сегодня ты приветствовал матушку-государыню?

— Э? Да-да... Ваш слуга...

— О чём говорили?

Сердце Чан Дэфу чуть не выскочило из груди, и он спешно начал объяснять:

— Её паланкин встретился нам на пути, Ваш слуга не осмелился вести себя непочтительно и даже если... Даже если проходил мимо, ваш слуга пожелал государыне доброго здоровья, также Ваш слуга сказал, что ему не посчастливилось застать государыню во дворце и подать ей чаю...

Над головой послышалась не издевательская, а лёгкая усмешка, в которой чувствовался холод.

Замёрзший чуть ли не до смерти слуга умолк.

В душе Чан Дэфу переполняла обида, но он не осмелился жаловаться, да и момент был для этого неуместным. Дрожа от холода, евнух продолжал стоять на коленях и совершенно не слышал слов Юн Шаня. Слуга понимал, что господин здесь — Его Высочество Наследный принц, хоть он и был молод, однако характер у него был далеко не шуточный. И если его разозлить, то он мог и впрямь заставить стоять здесь несколько дней и ночей, не обращая на несчастного никакого внимания. Чан Дэфу ничего не оставалось, как с кислым выражением лица проговорить:

— Государыня откуда-то узнала про лекарство, которое Ваш слуга взял у придворного лекаря, и сказала несколько слов, наставляя Вашего слугу.

В комнате воцарилась тишина, Чан Дэфу ждал, но Юн Шань так ничего и не ответил.

Мужчина в самом деле слегка испугался. Вобрав голову в плечи, слуга думал подождать, но вскоре был вынужден скрепя сердце продолжить:

— Ещё государыня приказала Вашему слуге хорошо заботиться о Вашем Высочестве наследном принце.

Только после этих слов Юн Шань наконец-то открыл рот, растянув губы в надменной улыбке:

— Она хотела, чтобы ты хорошенько позаботился обо мне?

Из груди Чан Дэфу вырвался вздох облегчения.

Спасибо небу и земле, Его Высочество наконец-то заговорил.

Поспешно ударившись несколько раз лбом об пол, евнух не стал ничего утаивать:

— Государыня сказала вашему слуге, что не нужно считать, что над моей головой лишь один внушающий страх Его Высочество Наследник престола, в этом дворце есть множество влиятельных и жестоких персон. Она... Она ещё сказала...

— Хватит утаивать, говори яснее, — холодно улынулся Юн Шань. — Выкладывай всё и не мямли. После сегодняшнего вечера тебе больше не представится такого удобного случая. Если я узнаю, что ты хоть что-то от меня скрыл... Хм, ты знаешь, что я не очень-то снисходителен к другим.

Всё ещё неуверенный, Чан Дэфу не осмелился медлить и решил выложить всё, как на духу, ничего не тая и, боясь пропустить хоть одно слово, доложил:

— Государыня сказала, что этот слуга не видел, сколько лет она прожила в стенах этого дворца, и что Вашему Высочеству исполнилось в этом году только шестнадцать. Также государыня добавила, что Ваше Высочество не смог бы занять место наследного принца без её помощи, и Ваше Высочество уже давно бы предали, как Его Высочество Юн Ци. Ваш слуга тогда не осмелился говорить что попало, лишь настойчиво попросил успокоиться. После её гнев немного рассеялся, и она сказала, что если человек нашёл путь к спасению, то его животные также вознесутся на небо, поэтому мне следует хорошенько позаботиться о Вашем Высочестве.

Молча всё выслушав, Юн Шань спросил:

— Только и всего?

— Нет, есть ещё кое-что. В конце государыня настойчиво сказала, что нужно как можно скорее

отправить Его Высочество Юн Ци обратно во дворец и обеспечить Вашему Высочеству спокойствие и благополучие, тем самым я сохраню свою жизнь. — Говоря это, Чан Дэфу вновь несколько раз поклонился, ударяясь головой об пол, и, переполненный обиды, проговорил: — Перед Вашим слугой находилась сама государыня, разве Ваш слуга осмелился проронить хоть лишнее слово? Ничего другого не оставалось, как сказать, что Вашему слуге всё ясно. Ваше Высочество, Ваш слуга весь этот год заботился о Вас и никогда не осмелился бы лгать Вам. Даже если Ваше Высочество не поинтересовался бы тем, что произошло утром, Ваш слуга всё равно бы не осмелился скрывать это от Вас. Сегодня вечером увидев, что Ваше Высочество отправился к себе в комнату, чтобы отдохнуть, Ваш слуга, честно, не осмелился Вас беспокоить и решил, что лучше завтра с утра обо всём доложит Вашему Высоче...

— Встань. — Юн Шань махнул рукой, останавливая поклоны Чан Дэфу, и с безразличной улыбкой произнёс: — Скоро в столице рассветёт, кто будет вместе с тобой проводить совместные проверки? Я позвал тебя, чтобы только расспросить. Я не отдавал тебе никаких распоряжений, так почему ты сразу же рухнул на пол и скорчился? Размазня. Немедленно поднимайся с колен!

Сказав лишь «Слушаюсь», Чан Дэфу робко поднялся с холодного пола и, вобрав голову в плечи, вытянул руки вниз, ожидая дальнейших распоряжений Юн Шаня.

— Матушка так говорит не без причины. Она действительно сделала всё ради меня. — Юн Шань был необычайно дружелюбен и, проявляя благоразумие, продолжил: — Действительно, она сохранила мой титул наследника престола и тем самым обезопасила всех нас.

Он говорил уверенно и легко, будто разговаривал с самим собой, и сокрушался, словно делая замечание. Чан Дэфу поднял глаза и посмотрел на этого взрослого ребёнка, не осмеливаясь открыть рот, лишь послушно поддакивал и внимательно слушал.

— Мне исполнилось шестнадцать, а это значит, что матушка живёт во дворце уже около двадцати лет?

Чан Дэфу какое-то время пребывал в оцепенении и, понимая, что Юн Шань спрашивает его, спешно прошептал:

— Да, государыня уже около двадцати лет живёт во дворце.

Юн Шань спокойно усмехнулся:

— Что тут сказать, моё пребывание в стенах императорского дворца, пожалуй, будет дольше, чем её.

Помимо всего прочего в словах наследного принца был скрыт смысл, который тотчас же стал слишком явным.

Чан Дэфу незачем было вдумываться в сказанное, он услышал непреложную истину, которую способен был понять каждый.

Недовольство юного наследника престола и будущего императора вело к довольно тяжким последствиям, в сравнении с недовольством великовозрастной государыни.

Пока император в здравии, не охвачен смертельной болезнью и не стал жертвой подосланного убийцы, сколько ещё лет способна прожить мать императора в сравнении со своим сыном? Её глаза закроются, и все, кто осмелился следовать за ней, по приказу разгневанного императора умрут, и от них даже целого труппа не останется.

Где благоразумная птица выберет своё дерево? Вопрос лишь в том, что лучше защитит от ветра и поможет укрыться от дождя — золотой дворец или же хижина, крытая соломой.

Чан Дэфу уже долгое время состоял в свите, что следовала хвостом за господами, и понимал, чью сторону стоит выбрать!

Раздался глухой звук, и колени Чан Дэфу вновь коснулись пола.

— Ваш слуга всю жизнь следует за Вашим Высочеством и непоколебимо предан Вам. Хоть Ваш слуга и глупый, но тем не менее честный. Впредь, если Ваш слуга заметит какое-то малейшее дуновение ветра или колыхание травы, то Ваш слуга даже со сломанной ногой придёт к Вашему Высочеству и доложит об этом, не утаив ни слова.

И со стуком слуга несколько раз поклонился, ударяясь лбом об пол. На сей раз его поклоны были искренними и исполнены чувств верности и долга.

Юн Шань посмотрел на евнуха и, не сдержав улыбки, проговорил:

— Хорошо, поднимись с колен. К счастью, здесь нет лишних глаз. Как так получилось, что мой управляющий стал низкопоклонником?

Громко отозвавшись в ответ, Чан Дэфу на сей раз поднялся на ноги, и его состояние духа значительно отличалось. Слуга был полон боевого задора: словно оказался он на войне, то, не раздумывая, ринулся бы за Юн Шанем в бой, защищая того от клинков и увековечивая свою преданность.

— Чан Дэфу.

— Слуга здесь, Ваше Высочество.

Юн Шань поманил его пальцем, на что мужчина спешно подошёл к нему и завис в поклоне,

ожидая слов наследника престола.

Глаза Юн Шаня в свете лампы тускло заблестели. Задумчиво улыбнувшись, юноша тихо приказал:

— Хорошенько позаботься о Его Высочестве Юн Ци.

— Слушаюсь, Ваш слуга хорошенько позаботится о нём.

<http://bllate.org/book/13372/1189584>